

Глава XXXVI

Счастливая встреча

Несмотря на многочисленные желания, изъявляемые человечеством, Великий Творец Всего не почёл нужным создать человека таким образом, чтобы последний мог находиться в одно и то же время в двух разных местах; поэтому в силу этого закона Природы Мистер Грейджиус катил в Клоистергэм в ту самую минуту, как Пеккрафт направлялся с Розою к *П.Ж.Т.*

К великому смятению маленькой Розы они были приняты одним Мистером Баззардом, мрачные черты которого даже на одну секунду не прояснились, увидав неожиданно особу, появленье коей повергло бы его принципала в такой неописанный восторг. Объявив им, куда и почему уехал Грейджиус, он вернулся за письменный стол и снова усердно принялся за писание, не обращая более на гостей ни малейшего вниманья.

Когда Роза со слезами обманутого ожидания на глазах объявила, что в таком случае ей остается ехать назад в Билликинское владенье, чтобы ожидать вместе возвращения опекуна в назидательном обществе «бедной Мисс Туинкельтон», Баззард, медленно приподняв голову, произнёс следующую фразу, с которой он, казалось, обращался к своему перу:

«Уехала с Мистером Грейджиусом».

При этом ужасном известии, отрезающим Розе последнюю надежду на присоединенье ее к спасительному главному корпусу армии, она разом повергается в безутешное отчаянье и, разразившись потоком слёз, объявляет, что теперь она считает себя положительно помехой в жизни как собственной, так и всех окружающих ее, и что она желала бы никогда, никогда не родиться; или же если подобное распоряжение Судьбы было, невзирая на его благополучность, необходимым, то для чего она лучше не родилась в какой-нибудь далёкой стране, в глубине Тартарии¹, например, где никто не посмел бы преследовать её, как преследуют и её, и других молодых лэди в ее положении в этой противной Англии!

Мистер Пеккрафт молча ожидал, пока она немного успокоится, и, дождавшись удобной минуты, намекает ей о некотором плане, который, по мнению его, окажется удобным для нее.

Но маленькая Роза не питала более очень сильного доверия ни в чьи планы, все придуманные для нее комбинации и улучшения в жизни оказывались одними жестокими неудачами и поэтому ей оставалось одно: изъявив раз навсегда презрение свое ко всем планам, бывшим, настоящим и будущим, безостановочно плакать и горевать над собственными жестокими испытаниями, не внимая ничьим утешеньям.

Но тут, вроде немого укора со стороны столь обижаемой ею судьбы, дверь отворилась и пропустила румяного красивого лейтенанта, который, не зная еще ничего о пропавшей Розе, не мог поэтому и приветствовать жарче обыкновенного возвратившуюся Розу, но просто, с обычным ему развязным искренним радушием, подошел к ней с целью пожать эту беленькую ручку, которая скрывала от него пока такие горькие слёзы.

Увидя это заплаканное личико, молодой моряк сильно сконфузился и, не зная, что сказать, стоял молча и неподвижно перед нею.

Были ли то приятные видения воспоминаний ее о волшебных, спокойных прелестях «Очарованной Страны Волшебного Горошка» или что другое такое, но маленькая Роза почувствовала себя утешенной прибытием Хозяина Адмиральской Каюты. Было что-то такое искреннее и натурально успокаивающее в этой сильной мужественной фигуре, которая оставалась на заднем плане ее мыслей только вследствие несчастий, выпавших на долю «бедного Эдди», и одно присутствие его уж ободрило её. Встав поэтому, она с живостью схватила его за руку, и с невысохшими еще блестящими каплями слёз, приютившимися в хорошеньких ямочках ее щёк, она представила его Мистеру Питеру Пеккрафту, который, услышав имя Тартара и размениваясь формальными поклонами с этим джентльменом, невольно предался мысленным рассуждениям,

---

¹ Тартария (Татария) – географический термин, использовавшийся в западноевропейской литературе и картографии в отношении обширных областей от Каспия до Тихого океана и до границ Китая и Индии.

насколько только что выраженное Мисс Бёд сожаление, зачем она не родилась в самой глубине Тартарии, имело отношение к самому имени этого молодого человека.

Честным и благородным огнём негодованья запылали голубые глаза Тартара, когда он услышал от Розы ее наивный рассказ о случившемся с нею происшествии. Он тотчас же изъявил свое мнение, что для неё было бы всего безопаснее ожидать возвращения опекуна на неприступных вершинах «Волшебной Страны Горошка». Но Мистер Пеккрафт, потребовав – в силу своей старинной дружбы с отцом «бедного Эдди» – некоторых топографических сведений относительно этой незнакомой ему страны и получив оные, тут же покачал головою с истым Великобританским понятием о приличии и предложил, в свою очередь, более подходящий к обстоятельствам, по его мнению, план, приняв который Роза должна была немедленно² ехать с ним в дом его собственной хозяйки, поэтичной Мисс Кип, которая, имея многочисленные и спокойные квартиры в тихом и *респектабельном* квартале Лондона, могла немедленно снабдить её приличным помещением до приезда Мистера Грейджиуса.

Тоскливо поглядывая во время этого предложения на карманные часы свои и с ужасом замечая, что было уже три четверти восьмого – час,³ который⁴ минута в минуту заставлял его уже многие годы садящимся за завтрак, – Мистер Питер Пеккрафт потребовал немедленного решения со стороны маленькой Розы, которая, невзирая на свою недавнюю решимость не принимать более ничьих планов, должна была решиться на этот, сильно поощряемая к тому честным лейтенантом, который заявил тотчас же, что лучше этого трудно было бы придумать.

И так, заставив Мистера Тартара и даже мрачного Баззарда принести многочисленные клятвы в том, что Мистер Грейджиус немедленно будет по возвращении своём уведомлён, где скрывается его питомица, Роза снова садится в привезший их кэб, заставляя еще раз Тартара обещать ей послать к ним тотчас же «доброе, милого Мистера Грейджиуса», – к величайшему нервному нетерпению Мистера Пеккрафта, который, не спуская уже более глаз с часовой стрелки, с отчаяньем торопит кэбмена везти их во весь дух к Сильвер-Сквэру. Так усердно выполняет полученное приказанье извозчик, что кэб останавливается у подъезда ровно [за] пять минут до восьми часов; это счастливое обстоятельство дает время Пеккрафту откомендовать Розу Мисс Кип, за которой старый джентльмен тотчас же собирается отправиться на поиски, оставив её на минуту в приёмной.

Эти поиски не представляют ему больших затруднений, так как он в ту же минуту слышит голос Мисс Кип, объявляющей воображаемой служанке, что, «кажется, Мистер Пеккрафт вернулся и что она только заглянет в приёмную, не там ли он», – и эта почтенная лэди отворяет дверь и входит в то самое время, как Пек[к]рафт выходит из комнаты.

«Как раз вовремя, многоуважаемая Мисс Кип, как раз вовремя» – замечает владетель лавки древностей; и тут же представляет Розу ей, а её Розе, прося их, между прочим, не слишком медлить [с] совершающейся операцией рукопожатия, так как остаётся всего три минуты до завтрака.

«Поклонница ли вы Муз, Мисс Бёд?» – осведомляется древняя Кип, которая, взяв себе раз навсегда этот вопрос за правило во время совершения новых знакомств, сооружает на ответе на это оригинальное осведомление будущую свою симпатию либо антипатию к допрашиваемым особам.

Маленькая Роза озадачена и вместе с тем немного сконфужена внезапностью такого допроса и, не зная, что сказать, беспомощно обращает глаза на Пеккрафта, который, в желании своём заставить её догадаться ответить утвердительно, предается, стоя за спиной своей хозяйки, таким усердным и многочисленным киваньям головой, что Роза положительно боится, как бы он не открутил себе совсем головы.

Догадавшись, Роза, которая снова начинает походить на Клоистергэмскую Розу, отвечает, что она страстно любит Муз и не могла бы жить без их общества.

---

² Далее зачеркнуто: у.

³ Далее зачеркнуто: за.

⁴ Далее зачеркнуто: в.

Приятная, радостная улыбка сочувствия сближает нос Мисс Кип с ее подбородком, и довольная лэди осведомляется от Мистера Пеккрафта, который теперь час.

«Без одной минуты восемь», – получает она в ответ.

«Голодной и усталой должна быть наша Мисс,

Поэтому на завтрак пойдёте тотчас вниз».

И с этим обрачиком лёгкой импровизации Мисс Кип грациозно указывает дорогу Пеккрафту и Розе в столовую. Часы на камине бьют ровно восемь, когда наше трио садится за завтрак, и Мистер Питер Пеккрафт торжественно восклицает, подымая сия[ю]щие благодарностью глаза к потолку столовой:

«Благодарение и хвала Небесам! Мы успели вовремя!»

И начинает вкушать от яств.

После завтрака Мисс Кип так же торжественно ведёт Розу в ее новую, выбранную для нее Пеккрафтом комнату и отворяет бренчащими за ее поясом музыкальными ключами несколько других жилищ, обитаемых постояльцами ее,⁵ посвящая Розу в порыве возникшей под такими поэтическими началами дружбы в историю жизни и общественного положения каждого из этих постояльцев. После чего они возвращаются к нетерпеливо ожидающему их Пеккрафту, которому уж пора идти в магазин редкостей, и этот джентльмен, добродушно осведомившись, довольна ли она новой квартирой, уходит к своему занятию, советуя ей в то же время ожидать Грейджиуса спокойно и обещая тотчас же по прибытии в магазин прислать ей интересные иллюстрации древних времен, чтобы помочь ей терпеливее перенести скуку.

Но Мисс Кип под влиянием той же дружеской симпатии не даёт своей свеженайденной любительнице Муз времени задуматься над прошлым горем и задать себе столь же тёмный вопрос, «что её ожидает еще в будущем?».

Как только заперлась за Пеккрафтом дверь, Первосвященница Муз входит в приёмную и, помещаясь возле грустно сидящей на диване Розы, разглаживает весьма тщательно принесённый ею печатный трактат и объявляет, что она так заинтересовалась прочитанным, что пожелала немедленно поделиться своими впечатлениями с Мисс Бёд.

«Здесь представлен подробный отчет, – говорит она в виде объяснительного предисловия и поднося листок почти к самым «молочным» подслеповатым глазам, – о митинге в прошлый вторник всех членов нашей “Великой Гавани” (известного вам, конечно, Филантропического Общества) для совещания насчет необходимого капитала для продолжения предпринятых ими гигантских благороднейших реформ. Позвольте мне прочесть несколько строк, дабы вы имели некоторое понятие, насколько это интересно».

Маленькая Роза, которой после стольких бессонных ночей хотелось бы гораздо лучше пойти к себе наверх отдохнуть, с трудом удерживает *зевание* и, уткнув свой розовый подбородок в ладонь опиравшейся локтем на стол руки, покоряется неизбежной участи.

«Мистер Слеккерс⁶, окончив, садится на свое прежнее место, а Мистер Хонефёндер⁷ встает, чтобы возражать ему, и начинает речь следующими словами: “Мой благородный собрат прав в своём замечании, что современное общество не понимает и слишком неразвито, чтобы понять всю благородную цель нашего полезного “Братства”, и что последнее служит лучшим украшением Великобританской Нации, размазывая для оной, – если подобная метафора будет мне дозволена, – масло Филантропии по Хлебу Невежества; но оно должно быть, наконец, понято Нацией, а если она всё-таки, по упрямству своему, не сознается, что поняла, то наша прямая обязанность состоит в том, чтобы силою вбить ей это в голову. Много было сделано уже со стороны публики усилий, чтобы подавить наше благородное учреждение, и еще более нашли на пути своём камней преткновенья те, которые стремились зачислиться в члены нашего Общества и сделаться братьями нашими; из всего вышесказанного, сэр, следует заключить следующее: что мы, быть может, и многое потеряли, но что подобному положению дел следует положить конец. Я готов теперь, как и в прошлом, выполнять твёрдо и непоколебимо возложенную на меня священную обязанность и

---

⁵ Далее зачеркнуто: *и*.

⁶ *Англ. Slukers.*

⁷ Сластигрох (*англ. Honeythunder*).

посвятить все дарованные мне природою таланты на распространение принципов нашей “Великой Гавани”, стараясь присоединить к ней как можно более членов для увеличения ее сил; но эта обязанность простирается и на других братьев наших, которые обязаны все до одного, засунув руки в карманы, и материально помочь Обществу в его великих предприятиях, ибо таким только образом и можно поправить дело; тех же из братьев, которые по скупости своей и скаредности откажут нам в подобной денежной помощи, следует немедленно отправить к Черту!”

Мистер Хонефёндер вернулся на свое место среди восторженного и продолжительного рукоплескания; после чего спич был отвечен Мистером Слеккерсом:

“Только что говоривший джентльмен, может быть, и прав, но я не разделяю его взгляда на это дело, по крайней мере, в настоящее время. Другие могут поступать, как им заблагорассудится...”

Мистер Хонефёндер, бешено прерывая оратора:

“Должен ли я заключить из только что произнесённых слов, что говорящий джентльмен намерен прекратить всякие сношения с Обществом? Что он добровольно намерен вылезть из башмаков Филантропии, когда они только что и едва влезли ему на ноги, с тем чтобы переменить их на другую пару, которая если и станет меньше давить ему мозоли, зато прямёхонько отправит его к Дьяволу? И всё это из одной низкой, корыстной цели, чтобы удержать в кармане несколько грязных банковых билетов, которые прямо пошли бы иначе в пользу всего рода Человеческого? Так ли я понимаю?.. Верить ли мне ушам своим?!!”»

«Благороднейший, милейший брат Хонефёндер! – восклицает восторженно Мисс Кип, устремляя «молочный» взор на выходную дверь, – вот он стоит перед моими глазами, – и, заметив невольный взгляд Розы, брошенный ею по направлению дверей как бы в ожидании заметить действительно стоящего там великого Филантропа, престарелая Муза добавляет с улыбкой, – в воображении моём, дитя, в воображении! Я ясно вижу этот грустно-вопросительный взгляд, это отчаянное выражение тоски, разлитое по благородному лику в ту минуту, как он укоряет Мистера Слеккерса.

С какой тоской взираешь ты, герой...

Злосчастный Хонефёндер... на людскую ложь...

Как Слеккерс вдруг вонзил в тебя сей острый нож!

Ах, Мисс Бёд, вы не можете представить даже себе всё великое, всё прекрасное, всё добро, оказанное этим филантропом человечеству. Я давно знакома с ним, и он всегда один и тот же!»

Роза, которая не забыла ни Мистера Хонефёндера, ни его посещения Крипарклей в Клоистергэме, не сомневается в том, что он всегда и всюду один и тот же, и высказывает свою полную уверенность в этом обстоятельстве.

«Почти невозможно поверить, – продолжает Мисс Кип, – чтобы человек, столь наполненный общественными талантами, человеколюбием, доброжелательства к Музам и тому подобное, мог бы так совершенно бескорыстно предаться делу в пользу рода человеческого. Он вечно как – как медведь – нет, как другой зверь, о котором говорится с большим уважением в Священном Писании, – он как тот зверь, рыкающий в пустыне, постоянно ищет если не пожрать, то посвятить кого-нибудь в священные таинства Филантропии. Недавно еще он обратил на путь истины – и сделал братом или, скорее, сестрой – одну умирающую даму; и так убедил её одной силой своего красноречия, ясно указав ей на страшные последствия, ожидающие её в разделке ее с Небом, если она не примирится с Ним окончательно при этой жизни, что эта дама, которая была чрезвычайно богата, но также скупа и оставила старшую сестру свою умереть с голоду, не согласившись даже помочь ей несколькими фунтами из одного принципа, сделала свое духовное завещание в пользу Мистера Хонефёндера, зная заранее, что все эти деньги пойдут в пользу остального рода человеческого, – в благодарность свою ему за то, что он указал ей ясно на долг ее к братьям. Были злые языки, которые страшно стали клеветать на Мистера Хонефёндера, говоря, что он украл будто бы эти деньги от другой сестры умершей дамы, которая осталась в большой нищете, имел глупость остаться вдовой с девятью маленькими детьми, но всё это была лишь самая злая клевета, как я и сказала прежде, так как невозможно и сравнить даже, какая разница была бы в принципе, если бы эти десять, положим, хоть и умирающих с голоду племянников воспользовались бы ее деньгами вместе с матерью в сравнении с благом, доставленным ее завещанием всему роду

человеческому. Принцип, моя милая Мисс Бёд, принцип – великое дело! Если бы вы могли прочесть прелестнейший некролог, написанный по этому случаю Мистером Хонефёндером после ее смерти в одном из наших периодических журналов!»

Только что кончила Мисс Кип это похвальное слово Достоинствам Хонефёндера и окончательному торжеству его Великой ораторской способности на Арене Филантропии, как послышался лёгкий стук в дверь, и затем вошла чисто и аккуратно одетая служанка, достойная по наружности своей служить в таком аккуратном заведении.

«Мэри, мой друг, нельзя ль узнать,

Чего пришли вы здесь искать?»

Поэтическая лэди никогда не пропускает случая адресоваться рифмами даже к слугам.

«Извините, мэм, – отвечает, вытаращив глаза на неё, служанка. – Молодой человек от Мистера Пеккрафта ждёт у дверей; у него что-то в руках для молодой лэди, что приехала сегодня с Мистером Пеккрафтом».

«Так почему ж пакета сами вы не взяли,

А юношу сего сейчас не отослали?» – вопрошает Мисс Кип с серьезным и строгим взглядом.

«Я так и хотела было сделать, мэм, – отвечает служанка, еще более вытаращивая глаза, так как она только что поступила в дом, – да только он не даёт мне, а говорит, что должен сам сдать его лично с рук на руки молодой лэди»

«Мисс Бёд, как вам угодно поступить,

Должна ли Мэри юношу выпустить?» – вопрошает Мисс Кип с улыбкой.

Роза делает всевозможные усилия, чтоб не расхохотаться прямо в лицо этой оригинальной Музы, но вовремя воздерживается и, приняв уж слишком серьезный вид, решается увидеть «молодого человека» от Мистера Пеккрафта.

Мисс Кип только что намерена передать служанке это приказанье стихами, как последняя, почувствовав, вероятно, что уж довольно она насытилась поэзией, запирает дверь и тотчас же снова отворяет, чтоб выпустить Мистера Столопа.

Крепко прижимая правую руку к сердцу и держа в левой шляпу и пакет, Автомат-Прикащик низко кланяется и надеется, что он никого не потревожил в домашнем Алтаре Беседы.

Никто не отвечает на этот вопрос, Мистер Столоп, нос которого пылает в эту минуту от сдержанной любви и восхищенья, добавляет, что патрон его возложил на него священную и приятную обязанность передать прямо в руки Мисс Бёд эти книги, и так как он, Мистер Столоп, находился под двойным влиянием – приказания почтенного доверителя и собственного пламенного желанья повидаться с прелестной молодой лэди, дабы иметь счастье лично осведомиться о ее здоровье, то он и решил смело настаивать на этом желаньи.

«Вы чрезвычайно достойны похвалы, молодой человек, за подобное аккуратное исполненье приказаний Мистера Пеккрафта», – с доброжелательной улыбкой замечает Мисс Кип и, наскучив говорить прозой, добавляет стихами:

«Кто волю старших исполняет,

Того дар Неба ожидает».

Но именно какой дар Неба Мисс Кип предпочла оставить пока в тайне.

Мистер Столоп, который тщательно сочинял по дороге свое входное приветствие и ожидал, что Роза тотчас же поймёт, сколь велико было его к ней боготворение, которое он или должен высказать или умереть, – Мистер Столоп не обращает вниманья на сочувственные стихи Мисс Кип, но поражен прямо в сердце обращением с ним Розы, заметив, что, приняв из рук его пакет, она холодно просит его передать её благодарность Мистеру Пеккрафту за оказанное вниманье, но его, Мистера Столопа, и не думает благодарить.

Мистер Столоп стоит посреди комнаты и чувствует себя сконфуженным и огорченным. Дела не так скоро клеятся, как он рассчитывал. Отца-баронета не оказалось. Мисс Бёд не бросается ему на шею в порыве благодарности за оказанную услугу и даже не просит садиться. Тускло, весьма тускло отражаются в зеркале надежд его вчерашние виденья! Вместо великолепных картин, созданных его воображением, он находится во владении дешевой литографии и чувствует себя далеко не довольным этим положением, которого он не ожидал.

«Я очень спешил, Мисс, – произносит он слабым голосом, всё еще смутно надеясь на благодарность. – И...»

Но речь его прервана Мисс Кип, которая, пристально устремив глаза на газовый рожок среди привешенной к потолку люстры, как бы объятая поэтическим вдохновением, начинает декламировать:

«Спешил наш рыцарь к даме сердца нежной,
И он – он...»

«Бог мой, Мисс Бёд, не припомните ли *вы* второго стиха, я, кажется, совсем его забыла – он – он...»

Но Роза принуждена сознаться ей, что она никогда и не знала даже и первого, не только что второго стиха, и Мисс Кип после нескольких столь же неуспешных попыток принуждена отказаться от рифмы.

Роза обращается к Мистеру Столопу, к которому она чувствует положительную неприязнь, до такой степени сей джентльмен кажется ей и жалким и смешным. Хотя она и хорошо сознает, что должна бы была сказать ему несколько слов благодарности за оказанную им ей помощь, но боится вызвать этими словами еще что-нибудь глупое с его стороны. Приложив пальчик к нижней губе, она замечает, что этот длинный, худой, красноносый юноша просто противен ей, и, не зная, что придумать, говорит следующее:

«Мистер Пеккрафт очень счастлив тем, что имеет в вас такого усердного прикащика, сэр, и должен очень ценить ваши услуги. Я уверена, что оценила бы, будь я на его месте, но, но...»

Надежда, которая было начинала разбиваться вдребезги, вдруг оживает в Столопской груди, и так как он не в состоянии удержать своего восторга долее, то он и прерывает её на этом полуслове следующим восклицанием и кривляясь более прежнего:

«Благодарю вас, Мисс, благодарю тысячу и миллион раз за это с вашей стороны признание, что я не достоин вашего вниманья...»

Но тут маленькая Роза, озлившись, прерывает его в свою очередь:

«Я сказала, если бы была на месте Мистера Пеккрафта, но я не на его месте, и поэтому не чувствую ничего подобного и это не мое дело, а его – оценивать услуги тех, кто служит у него на жалованьи. Если бы вы не перебили меня, сэр, то я добавила бы к тому же, что, быть может, Мистер Пеккрафт еще более бы оценил ваше усердие, когда бы вы поспешили назад к нему теперь с такой же скоростью, как и пришли сюда, по вашим словам».

И Роза, отвернувшись от него окончательно, обращается к Мисс Кип с каким-то вопросом.

Услышав эти слова, Мистеру Столопу в первый раз приходит мысль в голову, что, быть может, оно и возможно, что Мисс Роза Бёд не желает питать к нему тех нежных чувств, на которые он так рассчитывал.

Он молча стоит, рассматривая Розу с разинутым ртом, и она принуждена отвернуться от него еще более, чтобы не расхохотаться ему прямо в лицо, до такой степени несчастный Автомат-Прикащик представляет из себя уморительную фигуру. Выдвинув одну ногу перед другой, с приподнятыми вверх и растопыренными локтями рук, которые он как будто раскрывает в виде крыльев, собираясь улететь, – лицо его скривленное в очень жалкую мину, а глаза отуманенные слезами, – Мистер Столоп представляет из себя картину комического отчаяния.

«Мисс Бёд! – наконец восклицает он глубоко драматическим голосом, – говоря словами джентльмена, жившего много лет назад и который, без всякого сомненья, страдал в своих раненных чувствах почти столько же, как и я, – и только слегка изменяя их значение, дабы применить удобнее к настоящему случаю, – я могу сказать вам только одно, что, служи я Мистеру Пеккрафту с половиной того усердия, которое я выказал Мисс Бёд, я был бы счастливым Столопом!»

И, слегка наклонившись, он безумно бросается вон из комнаты к великому облегчению Розы и к страшному испугу Мисс Кип, которой вообразилось, будто он помешался.

«Признаюсь! – восклицает поэтичная Кип, опомнясь немного. – Из всех сумасшедших джентльменов этот самый сумасшедший. Надеюсь, что он не совершит над собою самоубийства. Я никогда не замечала за ним ничего подобного. Часто являлся он сюда по делам Мистера Пеккрафта, но никогда так еще не безумствовал.

В нём разум помешался без сомненья,
Чтоб произвести такие в нём движенья...»

Роза не разделяла ее мнения насчет опасности, выраженной Мисс Кип за жизнь его, и, добавив, что просто он «дурак», засмеялась своим веселым Клоистергэмским смехом, вкратце пояснив ей, каким образом они встретились, и сознаваясь, что, действительно, он оказал ей большую услугу; но что же ей делать, когда он *так, так* глуп! Она просто страшилась выразить ему свою искреннюю благодарность, до такой степени он делался «смешным идиотом».

И Роза чуть опять не расплакалась, всеми силами души призывала она скорее Мистера Грейджиуса, чтоб избавить её, наконец, от этих «ужасных муштин».

«Бедняга! – выражает свое сочувствие Мисс Кип, вздыхая. – Это большое несчастье, Мисс, когда кто одарен таким сангвиническим темпераментом. Ясно, что он влюбился в вас, и я от души желаю, чтобы любовь эта не оказалась для него губительной. Я понимаю кое-что в подобных чувствах и симпатизирую ему.

Когда коварная судьба любовь в нас зажигает,
Все радости земные она нам отравляет!»

Стоустая молва, которая не щадит ни правого, ни виноватого, шептала, что много лет тому назад, когда еще розы и лилии цвели на лице Мисс Кип, а глаза, как и всё прочее, не начинали еще линять, сия девица отдала безвозвратно сердце свое некоему юному прикащику из магазина готового белья, которому случилось несколько раз сказать ей комплимент во время посещений ее с престарелой тёткой магазина, а один раз даже пожать ей тихонько ручку под наваленной кучей дамских юбок. Но, увы! ветреный прикащик не домогался дальнейшего, и в один прекрасный день, который сделался несчастнейшим в ее жизни, прекрасный лавочник проехал мимо окон ее, сидя в наёмной карете возле румяной и счастливой женщины, которую он только что, за час перед тем, сделал своей законной супругой! Быть может, то было именно в силу воспоминанья о своей собственной любви, погибшей в цвету, что Мисс Кип так искренно выказала свое сочувствие Столопу и даже пролила несколько слёз над разбитой урной всех лучших надежд сего злополучного юноши. Умиление её дошло до такой степени, что бедная Роза совсем переконфузилась, видя, как серьёзно она говорит об обстоятельствах, которые в глазах Розы казались в высшей степени смешными только и глупыми.

«Надеюсь, Мисс Кип, – заметила она, надувши губки, – что вы не можете обвинять меня в том, что я не нашла себя в состоянии поощрять сумасбродство этого господина. Конечно, не я виновата, если он вёл себя как идиот и довёл меня до необходимости остановить дальнейшие глупости».

«О, нет, дитя, нет! – поспешно отвечает Мисс Кип. – Я не виню вас, далеко не виню! Но это такое грустное зрелище смотреть на кого-нибудь, кто поощряет самого себя в надеждах, которым не сбыться никогда и которые могут сделаться причиной долгой жизни сожалений... и слез, и страданий... О! Это ужасно.

Не сладить, нет, с любовью нам могучей,
Из искры родился пожар трескучий!»

Тяжёлый вздох вырывается из верной до смерти – памяти прекрасного лавочника – груди, и Мисс Кип слёзно ищет на юном лице Мисс Бёд сочувствия своим сожаленьям.

Но Роза окончательно дуется и чуть не засыпает от усталости; поэтому Мисс Кип решается выпустить жертву поэзии из когтей своих на некоторое время и предлагает ей пойдти наверх уснуть.

Оставив негостеприимный дом, в котором он окончательно потерял сердце свое и разум, Мистер Столоп бежит, не глядя перед собой, низко опустив голову на терзаемую отчаянием грудь. Как нарочно случилось, что этот день был один из тех дней в Лондоне, в который, по-видимому, никого нет дома, все на улицах и тротуары кишат народом. Опрокинув на тернистом пути своём несколько мальчишек в промойные канавы, сбив несколько шляп с голов ползущих старух и более чем раз сам счастливо отделяваясь от потери глаза или носа в внезапных столкновениях с самыми

разнообразными предметами, он, несмотря на это всё, продолжает быстро идти вперед. Вдруг влюбленный Прикащик выведен силою из своего летаргического состояния сильнейшим толчком, который отбрасывает его на три шага назад, и метким ударом в живот, который сажает его на корточки посреди тротуара; едва опомнившись, он слышит над ухом у себя хриплый рассерженный голос:

«Прокляты глаза твои! Чего ты лезешь на человека такой чертовой манерой?»

Мистер Столоп, держась за живот и сильно скривив физиономию, бормочет, что «всё это произошло нечаянно и что он не имел намеренья обидеть кого-нибудь». Тогда фигура, фантастически облечённая в одежду, состоящую из грязной когда-то белой фланели и с ног до головы покрытая каменным мусором, подходит ближе и снова восклицает:

«Дёрдльс не таковский человек, чтобы сориться с первым встречным ни за что ни про что. Протягивайте руку – помиримся!»

Мистер Столоп весьма обрадовался такому мирному заключению, во-первых, потому что не чувствует себя в силах при настоящих расстроенных чувствах присоединиться к рядам бойцов, а во-вторых, оттого что один взгляд на стоящего перед ним противника внушает ему смиренную мысль, что он не вышел бы победителем из этой борьбы, если бы и захотел попробовать. Поэтому Столоп протягивает руку говорящему, а последний начинает расспрашивать его, где найдти ему Чансэри-Лэн, так как он только что приехал из соседнего городка, и, имея в руках письмо к некоему Мистеру Питеру Пеккрафту, желал бы разузнать сперва, чтоб не плутать напрасно. Услыша это, Мистер Столоп удивляется неисповедимым путям Судьбы и извещает почтенного Дёрдльса, что так как он именно имеет честь служить у вышеупомянутого Мистера Пеккрафта, то он и проведёт его к нему.

Дёрдльс так поражен этим неожиданным совпадением обстоятельств, что тут же решается пойдти обдумать это происшествие на свободе в соседнем заманивающем его кабаке, и приглашает Автомата-Прикащика распить с ним бутылку эля, как он скромно выражается.

«Не странна ли подобная случайность?» – замечает еще не совсем пришедший в себя юный Столоп, тупо посматривая на принесенные гарсоном стаканы.

Мистер Дёрдльс бросает взгляд на эль, потом переносит его на Столопа, так как мысль его вся поглощена приятной перспективой напиться пьяным, и он не понимает значения собеседника, забыв мгновенно обо всём другом на свете.

«Что вы хотите сказать?»

«То, что случилось только что. Что вы искали Пеккрафта и встретили именно *меня*, который живет у него».

«Видывал я на веку своём вещи, которые и поудивительнее этой штуки, – глубокомысленно отвечает Дёрдльс. – И так как я видал уж их, то эта штука нисколько и не удивляет Дёрдльса. Я бы мог порассказать вам кое-что, молодой человек, чего вам никогда и не приснилось бы. Да только Дёрдльс себе на уме, и Дёрдльс умеет молчать – до поры до времени. Еще капельку?» – вопрошает он, указывая на эль.

«Есть странные вещи на небе и на земле, друг Горацио»⁸, – задумчиво отвечает Столоп, цитируя своего любимого поэта, и пристально рассматривает внутренность своего стакана, как бы надеясь увидеть на глубине его подтверждение своей цитаты в виде чего-нибудь сверхъестественного. Вообще говоря, нервы Мистера Столопа, весьма некрепкие в обыкновенные дни, стали еще слабее после всех душевных и телесных потрясений протекшего утра, к тому же и эль начинает брать свое.

Дёрдльс ничего не отвечает на эту цитату, но продолжает медленно и методично распорядиться с элем. При третьей бутылке он становится разговорчивее и замечает:

«Сознайтесь-ка, что вам очень бы хотелось знать, что стоит в этом письме, что я должен передать вашему хозяину? А?» – и сильно моргает на Столопа, как бы желая оставить его под впечатлением, что он (Дёрдльс) знает кое-что, да держит про себя.

«Вы ошибаетесь в моей скромности, Мистер Тёртльс», – обиженно отвечает Столоп.

---

⁸ Слова из трагедии В.Шекспира «Гамлет».

«Дёрдльс, прошу извинить, а не Тёртльс, Дёр-дльс мое имя, и я не стыжусь его!» – начиная горячиться.

«Извините меня, Мистер Дёрдльс; я хотел заметить вам, что вы сильно ошибаетесь во мне, предполагая, что может существовать в моей природе такая низкая черта любопытства в отношении моего патрона. Всё то, что я слышу от него, я сохраняю на глубине души, и ему хорошо известно, что ничто, даже тень смерти, не вырвет тайн его из меня. Нет, сэр, – продолжает юный Спартанец, сурово смотря на Дёрдльса, который сильно занят своим носом, – тайны кого бы то ни было, – тут Столоп патетично бьёт себя в грудь, – остаются здесь и умирают здесь!»

Дёрдльс подливает еще в стакан Столопа и требует четвертой бутылки, замечая Столопу при этом:

«Еще капельку, Мистер, – эге! Да мы, как видно, не ровня пока; вы допытались до имени моего отца, а я не знаю еще и первой буквы вашего».

«Имя мое – Столоп», – отвечает с скромным достоинством юный прикащик.

«Сто-лоп! – повторяет Дёрдльс между двух похлёбываний из стакана. – Теперь ладно, Столоп, приятель мой; теперь мы ровня, как оно и следует между настоящими джентльменами; теперь мы зальём чуточку вон этот эль, – продолжает он, дружески тыкая Столопа в брюхо, – джином с тёплой водицей, а затем и отправимся по нашему делу».

Столоп смутно чувствует, что он уже и так выпил более, чем бы следовало, но не смеет противиться уговориваньям своего нового приятеля, который, называя его «сладенькой нюней», заставляя его пить с ним принесённый пунш.

Через несколько минут пьяная иллюзия начинает уверять Столопа, что Дёрдльс самый верный ему друг, и он мало-помалу начинает изливать все свои душевные горести в грудь своего нового друга.

Нежно протягивая свою руку Дёрдльсу, которую тот заключает в свою мощную лапу, он кладёт другую на стол и, поддерживая ею лицо, орошенное слезами, начинает посвящать товарища в грызущую ему сердце тоску.

«О, мой благородный друг! – говорит он с стремящимися по красному носу слезами, уподобляющими его физиономию кирпичной стене, окропленной дождевыми каплями, – вам не понять всей бесконечной терзающей меня муки. Я люблю, страстно люблю – боготворю, сэр, одну молодую, знатной фамилии лэди», – икота прерывает на минуту следующее.

«Знатной фамилии лэди», – подсказывает заинтересованный Дёрдльс.

«Фамилии знатной, да, мой Небом посланный друг! – восторженно повторяет Столоп и утирает рот рукавом. – Любовь эта зажглась мгновенно, сэр, поэзия в ней так небесна, так... – и Столоп приподымает стакан к потолку, проливая половину джина себе и Дёрдльсу на физиономию. – Да, впервые в молодой, беспорочной жизни моей я узнал сладость и вместе с тем всю горечь любви...»

Дёрдльс сочувственно и важно кивает головою и замечает:

«Сладость и горечь, понимаем, как в добром джине, примерно сказать».

Столоп приведен в такой восторг этой дружеской метафорой, что требует обняться с Дёрдльсом.

«Однако ж, – замечает последний, отталкивая вдруг лезущего к нему друга, – нам пора и идти. Письмо спешное, да и Дёрдльса ждут назад».

И он встает, чтобы рас[с]читаться.

У Столопа хватает еще довольно сознания, чтобы чувствовать, что он не может явиться в подобном виде перед Мист[ером] Пеккрафтом, и он восклицает, трагически размахивая руками:

«Никогда, сэр! Я мог утратить в отношении себя, сэр, всякое чувство собственного достоинства, но никогда, нет, никогда не решусь я опозорить седые волосы или, скорее, древнюю лавку Мистера Пеккрафта. Положите меня, – продолжает он, впадая разом в жалобный и слезливый тон, – положите меня в молчаливую гробницу предков моих, – если последнее жилище их только можно найти, – но не просите меня привести старого, уважаемого Пеккрафта к могиле; оставьте меня, сэр!» – отбивается он и таращит глаза на Дёрдльса, который является перед ним в таинственном тумане.

«Дёрдльс не таковский, чтобы много разговаривать, коль раз сказал, что пора идти, так мы и пойдём», – грубо говорит он, хватая Столопа за шиворот.

Но Столоп только смотрит на него мутными взорами и, пробормотав что-то об муках любви, снова заливается слезами.

«Вставай, болван! – кричит Дёрдльс, подымая его силою. – Обопритесь на меня, “нюня”, коли не можете идти. На воздухе полегчает и вся хмель пройдет!»

И он тащит его к двери, но не прежде успевает с ним сладить, чем Столоп, ухватившись за какого-то почтенного джентльмена у дверей, увлекает его в своём падении, стараясь всё время убедить публику, «что любовь есть мука!».

Дав ему приличное время выспаться на бревнах неоконченного строения, свежий ветер, наконец, пробуждает Столопа, и Дёрдльс ведёт его далее, проклиная всех Лондонских молокососов, «которые и пить не умеют».

Столоп приходит до такой степени в себя, что объявляет Дёрдльсу, что может теперь идти и без его помощи, и изъявляет надежду, что если он прилично вымоется холодной водой, то, быть может, Мистер Пеккрафт и не заметит его беспорядочного состояния. С этой целью они заходят на обратном пути своём в некий башмачный магазин, где у Столопа есть знакомый приятель. Там с помощью мыла и холодной воды под помпою на заднем дворе удаётся Дёрдльсу вместе с башмачным приятелем привести Столопа в несколько более нормальное состояние.

Они находят Мистера Пеккрафта, расхаживающего по магазину в сильном волнении; при входе их он даже не оборачивается, как бы не замечая своего прикащика, и продолжает шагать между древностями всех стран и эпох, как какой-нибудь «Вечный Жид», переходящий от Северного Полюса к Южному и обратно.

«Мистер Пеккрафт», – робко начинает Столоп.

Старый джентльмен останавливается и, повернувшись теперь к нему, грозно смотрит на него блистающими яростью глазами.

«Вы мой прикащик, если не ошибаюсь?»

«Извините меня, сэр, но я...»

«И были посланы мною для передачи⁹ пакета с книгами сегодня утром, что могло быть исполнено всяким обыкновенным прикащиком в полчаса. Вы находились в отсутствии целых пять, – не потрудитесь ли вы объяснить мне, что это значит?»

Мистер Столоп, хватаясь за эту неожиданную доску спасенья, тотчас же принимает вид напрасно обиженной жертвы и объясняет Пеккрафту, как встретил он на дороге этого джентльмена (указывая на Дёрдльса), который объявил ему, какое важное у него было письмо к Мистеру Пеккрафту, и так как он боялся заблудиться один, то он и уговорил его, Столопа, пойдти с ним за письмом в чрезвычайно далёкую часть Лондона, где он, Дёрдльс, остановился. Вот почему так опоздал он.

«Из одного усердия к вам, Мистер Пеккрафт», – заключает Столоп.

Окончив эту счастливую комбинацию лжи, Столоп обращается к Дёрдльсу за свидетельством, что всё это истина. Но Дёрдльс довольствуется тем, что машет головою и тотчас же передаёт письмо Пеккрафту в виде хитрейшей дипломатической выходки, которая отвлечёт гнев Пеккрафта от Столопа, привлекая внимание его к письму.

Принимая письмо из рук Дёрдльса, Пеккрафт действительно успокаивается и с любопытством начинает читать.

При первых же строках лицо старого джентльмена изображает удивление, испуг и вместе с тем радость. Много раз сряду прибегает он к подписи и как бы не веря глазам своим. В письме он читает следующее:

«Дорогой сэр!

Знаю, как удивлены будете Вы, получив это письмо от особы, которую вы, быть может, считаете уже давно умершею. Но я жив и, не зная к кому обратиться за помощью скорее, чем к Вам, старому другу отца моего, прибегаю к вам в полной надежде, что Вы, как по характеру

---

⁹ Далее зачеркнуто: с.

своему, так и вследствие просьбы моей, сохраните пока тот факт, что я жив, в тайне. Вам известно, что покойный отец оставил распоряжение (неизвестное опекуну моему Джону Джасперу), что в случае, если этот опекун окажется недостойным его доверенности, то завещанье его должно совершенно измениться вследствие сего. Постарайтесь добыть эту добавочную страницу, которая, если не ошибаюсь, хранится у вас самого. Я должен по некоторым обстоятельствам, которые объясню позднее, отлучиться, во всяком случае, скрываться еще пока. Приезжайте с бумагой в Клоистергэм накануне Рождества – ни раньше, ни позже – и в Гостинице *Крозгёр* спросите некоего Дэтчери. Пишу Вам заранее, дабы не причинять вам дальнейшего беспокойства за того, кто, искренно уважая Вас, также надеется на старую дружбу вашу.

Искренно преданный
Эдвин Друд».

Бегло прочёл это письмо Пеккрафт в первый раз, потом медленнее, потом совсем уж тихо и глубоко задумался над ним. Он не мог понять, почему молодой Друд, который, если и не убит, как думают, находится в Клоистергэме и скрывается?

«Что за запутанная, непонятная тайна такая!» – думал старый джентльмен.

«Когда вы выехали из Клоистергэма?» – осведомляется Пеккрафт у Дёрдльса.

«Вчера, вечерним поездом».

«Разве вы не могли также поехать сегодня утром? Для чего вы ожидали ночного поезда?» – спрашивает подозрительно Пеккрафт.

«Дёрдльс идёт туда, куда его шлют, и Дёрдльс не беспокоит себе головы, зачем и почему», – отвечает Каменщик, огрызаясь.

«Когда вы оставили этого джентльмена?» – осторожно спрашивает еще Пеккрафт, указывая на письмо.

«Я принёс сюда письмо потому, что меня послали с ним, а не для того, чтобы надо мной смеялись да тарасили глаза, вот и всё тут. Есть какой ответ к тому, [к]то послал, – ладно; нету, так и скажите, да еще дьявольски живо вдобавок, оттого что с Дёрдльсом – дело есть дело, и чем меньше между нами будет слов, тем лучше. Дёрдльс бросил свою работу для этого письма, и работа ждёт Дёрдльса».

Молча слушал Пеккрафт это заявление самостоятельности Дёрдльса и, не отвечая ни слова, разглядывал его с таким вниманьем, как будто бы почтенный Каменщик превратился в одну из самых любопытных редкостей его магазина. Но самая грубость это[го] человека успокоила старого джентльмена, и он, сев за конторку, написал следующий ответ:

«Мистер Эдвин Друд, юный друг мой. Я невыразимо поражен удивленьем. Я не ожидал такого письма по многим причинам и даже заподозрил на минуту предьявителя и письмо как подложных. Но, не зная, почему бы кто стал заниматься подобными делами, уведомляю вас, что если буду жив, то явлюсь на место, назначенное в вашем письме, ровно вечером накануне Рождества.

Да благослови Вас Бог, и считайте меня таким же другом вам, как ваш отец был

Питеру Пеккрафту».

Письмо запечатано и вручено Дёрдльсу, который, засунув его в один из многочисленных карманов своих, не прощаясь, исчезает.

На другой день маленький старый джентльмен, очень утомленный, очень запыленный и очень вспотевший, приезжает в Лондон и, наняв кэб, едет в Стэпл-Инн. Отпустив кэб у Фёрнивальской Гостиницы, этот самый джентльмен направляется тотчас же к *П.Ж.Т.*, который, может, желает выразить в эту минуту буквами своими: Полюбуйтесь Жалким Товарищем; так думает, по крайней мере, Мистер Грейджиус, потому что он сам и есть этот Жалкий Товарищ старого *П.Ж.Т.*, который только что вернулся из Клоистергэма не умнее насчет Розы, как и уехал.

Войдя в комнату, он встречен Баззардом, которого он и приветствует следующими грустными словами:

«Баззард, я не нашёл её».

Мрачный юноша не выказывает ни сочувствия, ни удивленья, но лаконично отвечает:

«Я так и думал».

«Но я, по крайней мере, имел удовольствие назвать подлеца в лицо по имени».

«А молодой лэди всё не нашли».

«Баззард, мой добрый друг, не придумали ли вы чего? Куда идти мне теперь?»

«Туда, где и она», – отвечает Баззард, не подымая головы от писанья, но указывая пером в пространство через плечо.

Мистер Грейджиус, который так глубоко изучил своего Баззарда, замечает в нём то, чего он не выражает словами, а именно, что Баззарду известно кое-что, – быть может, даже Баззард знает, где Роза. Задыхаясь от надежды, он спрашивает, стараясь сдерживать с великим трудом волнение:

«А где бы это могло быть, Баззард?»

«Сильвер-Сквэр, у Пеккрафта, Мисс Кип, №18».

И снова принимается за работу.

Влюбленный, пламенный юноша не так спешит на первое свое свиданье, как поспешил обрадованный Грейджиус к Сильвер-Сквэру. Через две минуты он был уже у подъезда и затем в приемной Мисс Кип, за которой отправилась служанка.

Хотя Мисс Кип вовсе не сомневается в тождественности столь ожидаемого Розою опекуна, но как многие другие лэди притворяется, что не знает его, и, спросив имя и фамилию еще раз, собирается послать за Мисс Бёд.

Но не прежде оставляет она комнату, как осведомившись от несчастного, пылающего нетерпением джентльмена, как велика его привязанность «к Музам», и хотя в рассеянности своей Грейджиус и не ясно понимает вопрос, но чтобы отделаться от нее отвечает, что он полагает, что любит их действительно, когда «они вкусны». Мисс Кип, довольствуясь на этот раз таким странным ответом, который она приписывает, как и следует, нетерпению, отправляется самолично за Розою.

Мистер Грейджиус в нетерпении своём увидеть снова столь любимую и оплакиваемую им питомицу, услыша голос её, бросается из приёмной на площадку и вовремя поспекает, чтобы подхватить маленькую Розу в объятия свои с последних ступеней.

«Благодарение Богу! Хвала Ему, вы возвращены мне, дитя мое!» – восклицает он с струящимися по лицу слезами радости и покрывая поцелуями голову и волосы ее.

И так лежит она на руках его как малый младенец и почти столь же беспомощная от охватившего ее счастья, почувствовав себя еще раз на этой любящей груди и под покровительством преданных рук его.

Он бережно сажает её на диван и садится сам возле нее, всё еще не выпуская этой маленькой ручки, как бы боясь снова потерять её. Так долго сидят они, более похожие на отца и дочь, нежели на опекуна и питомицу.

Наконец, Роза прерывает молчанье.

«Никогда не думала я, – говорит она, – до этого страшного происшествия, насколько я должна была во всех случаях жизни моей надеяться на одного вас; и, пожалуйста, прошу вас, мой милый, дорогой опекун, не принимайте моих слов за одну фантазию глупого, напуганного ребёнка, потому что я долго обдумывала мой план со вчерашнего дня, и чувствую, что если вы откажете мне в просьбе моей или будете смеяться надо мной, то очень, очень огорчите меня. Теперь только понимаю я, насколько вы дороги мне, и если бы не вы, то некому было бы в целом свете любить меня и заботиться обо мне. Нет у меня ни отца, – продолжает она, закрывая личико, снова заблестевшее слезами, – который бы заступился за меня и оказал покровительство, ни матери, которая помогла бы советами и любовью своей, и я чувствую себя столь одинокой и лишней на этом свете, что если бы не вы, то я давно бы погибла. Так позвольте же мне, милый мой, добрый Мистер Грейджиус, смотреть на вас с этой минуты как на отца моего, позвольте мне называть вас отцом и считать себя вашей послушной, любящей дочерью. О! Не откажите мне в этом утешении».

И снова рыдающий ребёнок кладёт ему голову на руку и снова прижимается к нему как к последнему якорю спасенья.

Нежно кладет свою руку Мистер Грейджиус на эту почти детскую головку, еще нежнее разглаживает он ей волосы и деревянные черты лица его озаряются как бы новым, незнакомым им чувством чистой, непорочной, преданной любви, которая, отделяясь мало-помалу от невидимого, много лет втайне боготворимого им образа, всецело переходит на осиротелое ее единственное дитя.

«Дорогое мое, милое дитя, – отвечает ей слегка дрожащим голосом Грейджиус, – не могу выразить вам, как счастлив я, слыша от вас такое несомненное выражение вашей ко мне привязанности; много лет провёл я грустно и одиноко с одной вечно жившей во мне памятью о той, которой так давно уже не стало, – и теперь я чувствую, что во сто крат вознаграждён за все эти годы одинокого сожаления. Надеюсь, дитя, что я не оскорбляю памяти умершей, когда часто приходит мне на мысль, что, может быть, и лучше для меня, что она умерла вовремя, но слова мои вам непонятны, не обращайтесь на них вниманья и уверьтесь в том, что никогда никакой отец не любил бы вас более, чем я. Постараюсь доказать это теперь на деле, – добавляет Грейджиус, стряхивая с себя незнакомое умиление и делаясь снова старым прежним Грейджиусом. – Будь по-вашему, моя милая, дорогая дочь, – если прилично такое выражение подобному мне “Угловатому Человеку”, – я постараюсь всеми силами заслужить эту честь. Встаньте теперь, милая Роза, и оботрите глазки, нам надо много о чём поговорить. Если вы в силах только, то я желал бы услышать от вас во всех подробностях об этом последнем подвиге нашего Музыкального Друга касательно вас. Или я очень ошибаюсь, или же я-таки подрезал ему крылья, – если смею так выразиться, – в мое последнее к нему посещение. Боюсь, что он так сильно запутался в своих собственных сетях, что трудно ему будет вылезть из них. Но я слушаю вас, дитя моё».

Много и часто в продолжение рассказа Розы вскакивал он, чтобы быстро побегать по комнате и успокоить себе нервы прерывистыми восклицаниями в следующем роде: «Негодяй! Трус. Низкий разбойник» и тому подобное, и снова садился он на прежнее место только для того, чтобы опять вскочить. Услышав, что Принцесса не оставила своего адреса и даже не хотела и слушать о вознаграждении, Мистер Грейджиус почувствовал невыразимое удивление и долго колотил себя по носу при всяком вопросительном восклицании: «Но кто же она? Кто такая?», как бы действительно питая внутреннее убеждение извлечь какое-либо об ней сведение из этого органа.

Когда Роза кончила свой рассказ, он заметил:

«Не знаю и не смею подумать, до чего дойдёт еще эта Музыкальная Личность. Хотя он очень уж близок, по-моему, к неприятному финалу всех затей своих, но всё же невозможно, зная этого человека, поручиться, что он снова чего-нибудь не придумает, а за жизнь молодого Ландлесса я не дал бы ни одного пенса, попадись он только ему. На несколько недель квартира эта представляет много удобств – лучшую трудно было бы и отыскать. Только, чур! не гулять более одной, дочь, – ласково прибавляет он. – Я придумал, кажется, еще один хороший план – посмотрим. Как вы полагаете, приятно ли было бы моей хорошенькой дочери постоянное общество брата и сестры, прозябающих в настоящее время на высотах Степл-Инна? Я, во всяком случае, должен буду позаботиться переселить их на другую квартиру по разным известным мне обстоятельствам. Но не лучше ли попросить сюда Мисс Кип?»

Мисс Кип, которая деликатно предоставила с первой минуты приёмную свою Розе и ее опекуну, была отыскана первой в восторженной беседе с поэзиями Лонгфеллоу¹⁰ и приведена снова в приёмную.

«Я позволил себе попросить вас сюда, – начинает Грейджиус, как только все уселись, – потому что имею нечто предложить вам для большей пользы и еще большего удовольствия трёх молодых особ, которыми я сильно интересуюсь. Быть может, врожденная во мне угловатая способность разгадывать при первом взгляде на них характеры встречаемых мною личностей – причиной тому, что я прямо обращаюсь к вам с моей просьбой, так как мне кажется, что я ясно

---

¹⁰ Генри Уодсворт Лонгфелло (Longfellow, 1807–1882) – американский поэт и переводчик.

прочитываю на вашем лице ваше доброе сердце, которое всегда открыто для всех, нуждающихся в вашей помощи. Прав ли я?»

Мисс Кип чрезвычайно как польщена этой некромантической¹¹ способностью Мистера Грейджиуса и лепечет, сладко улыбаясь: «С удовольствием, сэр», но только таким же точно тоном, каким она отвечала бы ему более патетичную фразу:

«До самой смерти – ваша я!»

«Очень хорошо, – продолжает Грейджиус, – положим теперь, что я попросил бы вас приготовить две отдельные квартиры для трёх молодых особ. Одну для двух девиц одинаковых лет, а другую для молодого человека, брата одной из них. Все трое чрезвычайно достойные молодые люди, которые, – если смею так выразиться, – могут служить украшением вашему дому и платили бы сверх того чрезвычайно приличное вознаграждение. Согласны ли бы вы были принять их у себя на некоторое время?»

Мисс Кип возводит полинялые очи к потолку и под влиянием вдохновенной импровизации отвечает:

«Коль то, что сделать я могу,

Утешить может их, –

То приводите их, прошу,

Я ж помещу их вмиг!»

Деревянной из всех деревянных лёгких улыбок мелькает на деревянных устах и «Деревянный» спрашивает:

«Так когда же могу я привести сюда остальных двух, так как одна уже здесь», – говорит он, указывая на Розу.

На что Мисс Кип серьёзно и с достоинством отвечает:

«Добро пожаловать, когда угодно; снова

Я повторю, что я всегда готова!»

«Хорошо, очень хорошо», – отвечает Грейджиус, который, потирая руки, вероятно, от радости, не может удержаться, чтоб не захохотать.

Устроив окончательно все переговоры, подробности коих Грейджиус принуждён переспрашивать не раз прозою, так они обыкновенно являются в первобытном своём виде – стихами, почтенный джентльмен смотрит на часы и объявляет, что ему пора в таком случае и поспешить. Мисс Кип, слыша это, приподымается, догадываясь, что ей лучше оставить их теперь вдвоём, так как, быть может, Грейджиусу понадобится что сказать Розе о собственных делах, и, прощаясь, любезно обращается к нему:

«Когда молодые люди окончательно устроятся, сэр, надеюсь, что вы будете как можно чаще навещать всех нас, и, верьте мне, будете постоянно приняты с тем же восторгом. Я всегда счастлива, когда мне удастся подружиться с людьми, которые поклоняются Музам.

Каких бы лет они ни были,

[К]ем бы ни сотворил их Бог,

Но только б – Муз они любили,

Всегда заслужат мой восторг!»

И разрешившись сим последним замечательным произведением, она грациозно раскланивается и оставляет их наедине.

По удалению этого поэтического создания Грейджиус прощается с Розою, обещая ей скоро вернуться в обществе Елены. Он уходит с таким лёгким, счастливым чувством на душе, которого он и не подозревал бы накануне. Не мудрено, если с головою, наполненною мыслями об одном будущем благосостоянии Розы, ему снова мерещится другой невидимый ни для кого, кроме самого его, образ, который улыбается и одобряет его, паря над ним.

---

¹¹ То есть способностью угадывать; некромантия (*греч.* νεκρός, мёртвый + μαντεία, прорицание) – способ гадания, который предполагает общение с душами умерших.